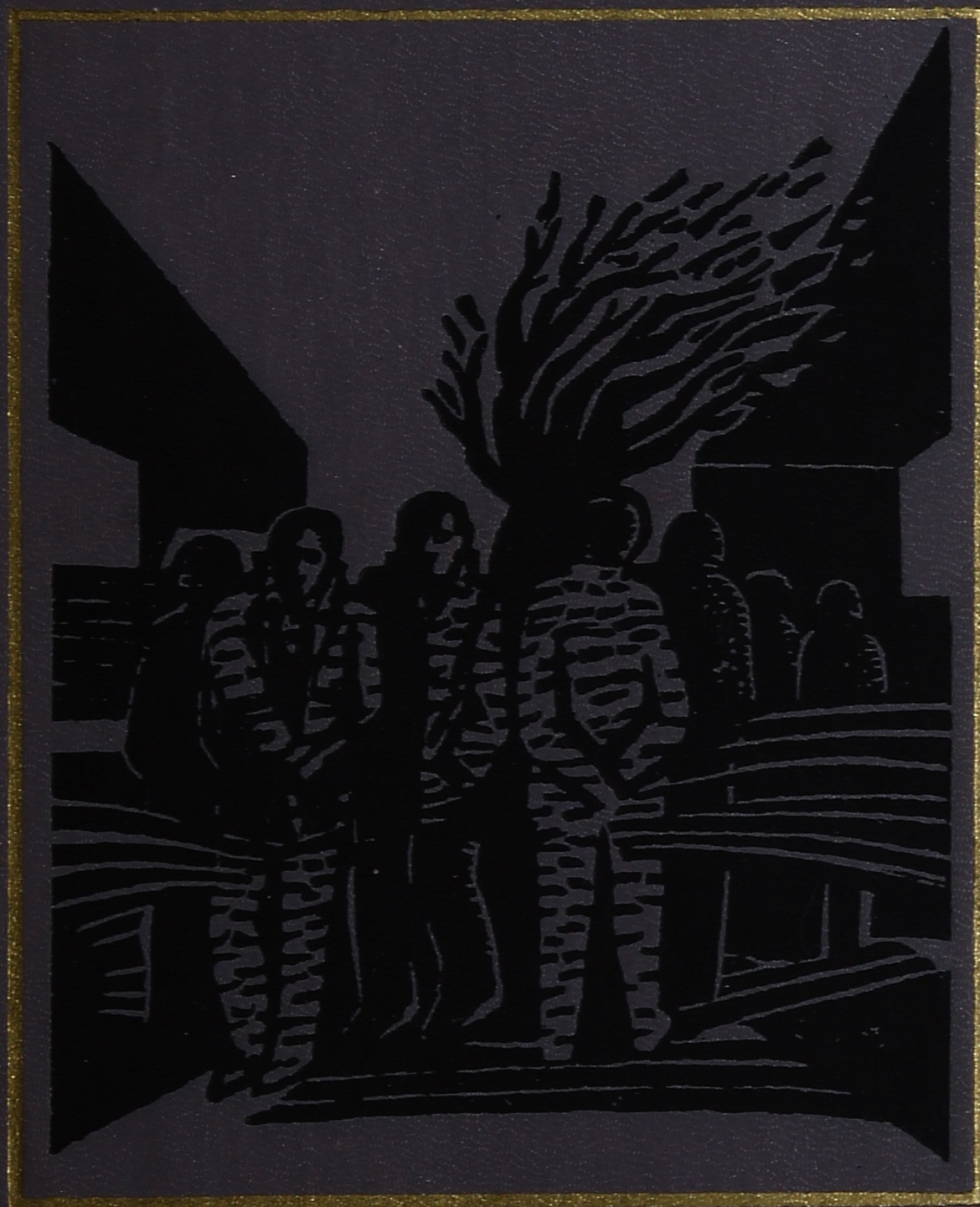

28.583К

ВИТАЛІЙ СЕРДЮК

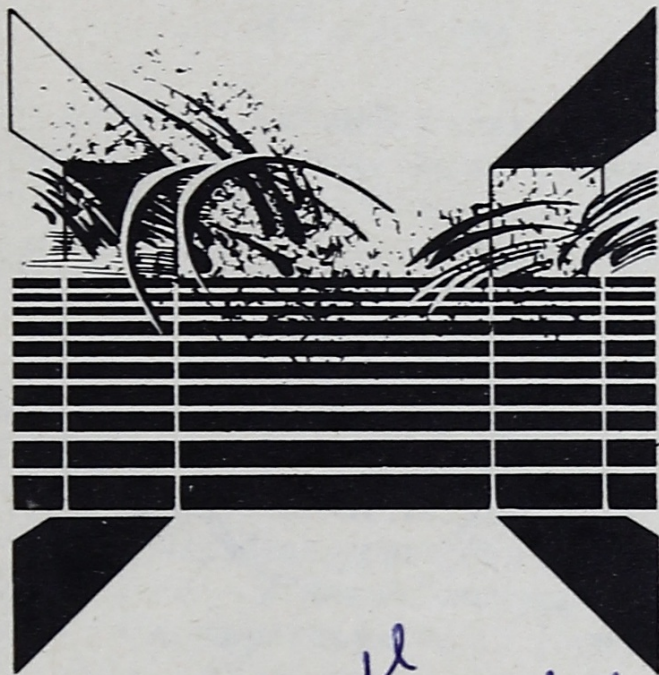
ДОЛТ

Из книг
Л.А. Розановой

ВИТАЛИЙ СЕРДЮК

ДОЛТ

Мужики
Александровские
Розановы
с самим
глаголющим
информацией

ВЕРХНЕ-ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

В. Сердюк
29.08.90

В раже безумства «архаровцы» уже замахнулись на революцию, на В. И. Ленина и аж на Россию. А мы поддакиваем, чешем затылки и глубококомысленно произносим: да-а... Да замахиваемся-то опять на самих себя. Сдается мне, что мы потеряли чувство меры, чувство реальности, здравомыслия. А жизнь, нормальная, полнокровная, счастливая жизнь строится не эмоциями, а разумом и трудом, совестью и трудом, культурой и трудом.

Для начала каждому истинному человеку внять бы словам А. И. Солженицына: «...И простой шаг простого мужественного человека: не участвовать во лжи, не поддерживать ложных действий. Пусть э т о приходит в мир и царит в мире, — но не через меня».

Прекрасными словами начинается книга Семена Гейченко «Завет внуку» — о пушкинском доме в Михайловском: «Каждый из нас живет в доме, и дом этот своим теплом, уютом, своим душевным и духовным настроем составляет суть нашей жизни. А дом художника, поэта населен особыми приметами... Потому как не только дом, но и само пространство на всем зримом окружении несет в себе дух поэта, его мысли, чувства, переживания».

Попадая в такой дом, испытываешь магию его уголков, деталей, вещей, здесь, кажется, сам воздух пропитан возвышенной жизнью духа. И как же горько бывает, когда налетает тупая разрушительная сила и обращает в прах то, что было домом.

Я помню бурю возмущения ивановцев, узнавших однажды, что по бревнышку раскатан дом поэта Николая Майорова на улице, носящей его имя, дом, на котором висела мемориальная доска. Ну хорошо, кто-то там из чиновников забыл заглянуть в свод памятников истории и культуры, которые подлежат охране. Но ведь никто — ни прораб, ни рабочие, приступившие к слову, не задумались даже: почему раскатывается дом, отмеченный мемориальной доской? «Мы — маленькие люди, нам приказали...» Откуда они, «маленькие люди»? Да все оттуда же, из тех времен, когда одни рубили, а другие бросали дрова в топку котла, не затрудняя себя пониманием, что он настолько уже раскалился, что вот-вот взорвется.

А произошло следующее. По плану группы «Мосфильма», готовившейся к съемкам фильма «Запретная зона», в основе которого было событие июня 1984 года — «ивановский смерч», требовалось возвести деревню, на которую по сценарию и обрушивается стихия. Естественно, кинематографисты

обратились к городским властям с просьбой предоставить избы, разумеется, из тех, что подлежат сносу. Такие нашлись в Иванове. И в их числе майоровский дом.

Я приехал на знакомую, некогда зеленую улицу, когда можно было уже справлять поминки по отчому гнезду поэта: растаскивались нижние венцы. Это было ужасное зрелище. Мрачного вида мужики делали все не торопясь, лениво, будто с похмелья. Видели ли мемориальную доску? Видели. Где она? Кажись, в прорабской...

Этот варварский акт в моем сознании невольно связывается с другим — разрушением дома Ю. А. Гагарина. И не только по аналогии слова. А еще и потому, что Николай Майоров погиб 8 февраля 1942 года неподалеку от Гжатска (ныне — город Гагарин), погиб, защищая нас и в том числе еще никому не известного мальчишку, которому суждено было стать первым космонавтом планеты.

И разве можно без содрогания читать майоровские строки:

Нам не дано спокойно сгнить в могиле —
лежим навтыжку и, приоткрыв гробы,
мы слышим гром предутренней пальбы,
призыв охрипшей полковой трубы
с больших дорог, которыми ходили.
Мы все уставы знаем наизусть.
Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд
и ждем приказа нового. И пусть
не думают, что мертвые не слышат,
когда о них потомки говорят.

Они и мертвые готовы были защищать нас, жизнь на земле, свободу и счастье наше. А мы, живые-то, что творим?

Справедливости ради надо сказать, что обе областные газеты — партийная и комсомольская — одновременно выступили в защиту дома Майорова. И общественность сказала свое слово. Вот одно из писем, которое я получил как автор одной из статей. Его написали рабочие камвольного комбината супруги Лебедевы: «Действия бездушных чиновников позорят советскую власть — наследницу великой культуры нашей страны...

Предлагаем:

1. Свое личное бескорыстное участие в восстановлении дома (хотя строительных профессий не имеем, но, может, подсобниками возьмете?). 2. Провести поэтический вечер (вечера) памяти поэта Николая Майорова, средства от которого использовать для мемориала Поэта».

Принципиальную оценку случившемуся дали город-

Третьего было не дано: либо погибнуть, либо уничтожить этот торчащий перед позициями танк. И ребята, ведомые сержантом из Иванова, сделали, казалось, невозможное: полк пошел вперед, поддерживая соседние наступающие части, круша немецкую оборону, выравнивая линию фронта.

Солдаты шли все дальше и дальше, к Праге, Будапешту, Берлину, а память цеплялась за Старую Руссу, Ельню, Умань, Вязьму, за дорогие могилы. И потом, и потом... так стали приходиться в его стихи не какие-то абстрактные солдаты, а конкретные люди, с конкретными фамилиями — Николай Рагозин, Олег Кочерыгин, Тихон Китаев, Никита Иванов, комбат Григорьев... И каждым таким стихотворением поэт не только славил мужество советского воинства, но и как бы ставил обелиски друзьям-солдатам. Это была тяжелая, опасная для сердца работа, потому что Владимир Жуков и после войны все продолжал оставаться на ней, ходил ее дорогами, поднимался в атаки, тащил на высоту пушку или прикипал ладонями к рукояткам пулемета. Он, словно, обрек себя на вечную войну, на вечную атаку. Однако только так, наверное, и могут рождаться настоящие стихи.

С железных рукоятей пулемета
он не снимал ладоней
в дни войны...
Опасная и страшная работа.
Не вздумайте взглянуть со стороны.

Так случилось, что одна ивановская школа — № 33 — дала советской литературе двух замечательных поэтов — Николая Майорова и Владимира Жукова.

Так случилось, что они — погодки — дружили.

Так случилось, что Николаю Майорову суждено было погибнуть, а его другу встать на смену.

И когда Жуков вернулся в Иваново, он отправился к родителям Николая. Не только разделить с ними горе, не только ободрить и, если нужно, помочь, но и собрать то, что было написано талантливым юношей.

Однако только в 1962 году вышел первый сборник произведений Николая Майорова, стихов, без которых сегодня не может обойтись ни одна антология советской поэзии. Имя этой первой книги — «Мы». Вспоминая в конце этого сборника о своем друге, Жуков обронил горькие слова: «Написать о Коле Майорове — значит поверить в то, что свершилось, и навсегда проститься с ним. Может, потому до сих пор и не было о нем печатного слова».

А однажды Владимир Семенович рассказал, что...

— Твардовский узнал о Майорове только через много лет после гибели этого «страшно талантливом» русского поэта — в 1962 году, когда я пришел с книжкой «Мы» в старый особняк «Нового мира». Твардовский слышал о Майорове и раньше, поскольку в периодике уже прошли кое-какие посмертные публикации. Так я это понял тогда, в шестьдесят втором.

На счастье, Твардовский был в кабинете один. Дверь в его кабинет была полуоткрыта. Секретарша пропустила меня даже без доклада, поскольку для «Нового мира» я был человеком уже не новым.

Я никогда не тревожил Александра Трифоновича по пустякам. Я пришел с книжкой Майорова! Я был уверен, что он порадуетя.

Подхватив с рукописи очки, он улыбнулся и, слева направо заталкивая за уши роговые оглобельки, обронил:

— Поглядим...

Сперва он просто листал книжку, пробрасывая странички за верхний уголок. А я следил, едва дыша, страшась, что так будет и дальше.

Ан нет! Вот Твардовский облокотился, ближе придвинулся к столу, зацепившись за какие-то строчки. И стал читать сплошь — до доски. И лишь тогда глянул в мою сторону.

Отложил очки. Помолчал. Вздохнул просторно-просторно:

— Никак не пойму, сколько ни живу... Ну откуда такие берутся?.. Может, ты знаешь?.. Страшно талантлив. Какого парня потеряли... И не одного ведь!

И умолк. И молчанье его было долгим.

Идут годы. На поэтические полки читателей встали новые книги Владимира Жукова. Это уже солидные тома лауреата Государственной премии РСФСР им. Горького. К писателю пришло признание, и имя его по праву называется в первой десятке «фронтовых» поэтов, рядом с именами С. Орлова, С. Наровчатова, М. Луконина, М. Дудина, Ю. Друниной... И это вполне закономерно. Хотя, откровенно говоря, признание это пришло с большим опозданием, многие и многие годы критика не баловала своим вниманием поэта из Иванова. Я не сказал бы, что Владимир Семенович относился к этому спокойно: фигура умолчания обидна для любого литератора. Но, к чести поэта, — он никогда не позволял себе высказать ни жалобы, ни обиды.

...Жизнь железом учила меня неспроста.
Потому и твержу, если сетует кто-то:

